

RU

Научная рецензия на академическое издание:
Красухин К. Г. Сравнительно-историческое языкознание:
введение в индоевропейское языкознание. Изд-е 2-е.
М.: Юрайт, 2021. 314 с.

Изотов А. И.

EN

Krasukhin K. G. Comparative-Historical Linguistics:
Introduction to Indo-European Linguistics. 2nd ed.
Moscow: Yurait, 2021. 314 p.: Opinion Paper

Izotov A. I.

Переиздание издательством «Юрайт» напечатанного семнадцать лет назад Издательским центром «Академия» курса университетских лекций по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию (Красухин, 2004) – действительно хорошая новость.

Рецензируемое издание (Красухин, 2021) заявлено как учебник по курсу, читаемому специализирующимся по теоретической и прикладной лингвистике или по сравнительно-историческому языкознанию студентам, однако оно безусловно может быть весьма полезно, по нашему убеждению, всем преподающим не только историческую, но и теоретическую и даже практическую грамматику любого индоевропейского языка, включая русский, так как экскурс в историю часто позволяет объяснить то или иное явление уровня синхронного, а тем самым помочь преподавателю это явление преподать ученику. Например, информация о том, что в истории чешского языка мягкий [r'] перешел в [ř] (звучащий как одновременно произносимые [r] и [ž]/[š] – в звонком или глухом варианте), поможет правильно опознать чешские слова типа *řeka*, *řera*, *moře* любому, кто помнит о твердых и мягких согласных со школы. Освоившему курс старославянского легче смириться с наличием звательного падежа в чешском языке и четырнадцати основных типов склонения чешских существительных, соотнося их с «твердыми» и «мягкими» вариантами старославянского субстантивного склонения и одновременно учитывая, что в чешском языке звук [a] после мягкого перешел в [e], а звук [u] после мягкого перешел в [i] и что развитие категории одушевленности в чешском языке проходило не вполне так, как в русском. Знакомому со старославянским легче объяснить, как одна из парадигм славянского плюсквамперфекта (аорист от основы *by-* + эловое причастие) по принципу «было давно и неправда» переосмыслилась, слегка поковеркав некоторые формы названного аориста (*byxъ*, *by*, *by*; *byxomъ*, *byste*, *byша* > *bych*, *bys*, *by*; *bychom*, *byste*, *by*) в чешский кондиционалис, а слышавшему о том, что формы славянского императива восходят к индоевропейскому оптативу – особенности функционирования чешских императивных конструкций по сравнению с русскими. То, что у индоевропейских тематических глаголов «флексия 3-го л. *-e/-o – это ауслат основы, переосмыслившийся как специфическое окончание 3-го л. как неучастника диалога, т.е. не-лица» (Красухин, 2004, с. 164), способно обосновать внешний вид чешских форм типа *nese*, *tuje*, *prosí* на фоне структурно им соответствующих русских форм типа *несет*, *моет*, *просит*, в которых твердый [t] на конце – явный церковнославянизм, возникший в свою очередь то ли в результате слияния названного ауслата основы с указательным местоимением *тѣ* ‘тот’, подчеркивавшего связь глагола с ситуацией (*несе* + *тѣ* = *несетѣ*), то ли в результате отвердения полумягких согласных (в данном случае полумягкого *t'* в окончании 3-го лица ед. числа атематических глаголов *-tī > *t'b* > *tъ* > *t* в южных диалектах праславянского языка, тогда как в восточных диалектах, в которых полумягкость обернулась мягкостью полноценной, окончание *-tī дало закономерные рефлексы типа *несѣть*, *просѣть*).

Предлагаемый теоретический материал разделен на 15 лекций (+ имеющее аналогичную лекциям структуру Заключение), каждая из которых предваряется перечнем ключевых понятий и подробным планом изложения, а завершается контрольными вопросами и заданиями, что вкупе с приводимыми в конце издания примерными темами сообщений, докладов, курсовых и дипломных работ, предметно-тематическим и именным указателями, а также списком литературы (обязательной и дополнительной) делает издание поистине бесценным для начинающего преподавателя.

Судя по всему, издательский центр «Академия», публикуя (Красухин, 2004), рассчитывал, что это издание будет хорошо сочетаться с опубликованным на год позже учебником по компаративистике (Бурлак, Старостин, 2005), и они действительно сочетаются как хороший лекционный курс с хорошим учебником в классическом учебном процессе. Не можем не отметить, что оно превосходно сочетается не только с (Бурлак, Старостин, 2005), но и со всеми указанными в Литературе материалами, как проверенными временем (Фортуна-тов, 1957; Мейе, 2007; Савченко, 2010; Семереньи, 1980; Гамкрелидзе, 1984), так и новыми (Герценберг, 2010). В результате искусно найденного компромисса между полнотой охвата материала и простотой его изложения рецензируемое издание может быть использовано в том числе и теми, кто еще только начинает свое близкое знакомство с компаративистикой или даже еще только задумывается о таком знакомстве.

К сожалению, из первого издания во второе перекочевало немало досадных неточностей, относящихся в основном к «славянской» сфере. Например, на с. 15 приведен чешский пример *raka* (должно быть *ruka*), на с. 16, где приводятся некоторые русские слова в старой орфографии, а потом слова украинские, мы находим *горький ... дал... білий ... сірий* (должно быть *горькій ... даль ... білий... сірий*), на с. 17 появляется польский пример *krowe* (должно быть *krowę*) и т.д.

Достаточно многочисленные старославянские примеры приводятся в качестве примеров «церковно-славянских» (первая группа примеров на той же с. 17). Безусловно, автор вправе сознательно отвергать восходящую к (Фортуна-тов, 1957, с. 5) отечественную академическую традицию противопоставления «старославянского языка» как реконструируемого по избранной группе рукописей X-XI веков языка переводов греческих богослужебных текстов, выполненных в IX веке Константином-Кириллом, Мефодием и их учениками, языку «церковнославянскому» (всему, что получилось из «старославянского» языка в более поздний период, включая как его средневековые изводы, так и современные богослужебные тексты), однако это следует особо обговорить хотя бы во избежание когнитивного диссонанса у многих потенциальных читателей – славистов и русистов, в которых на первом или втором курсах усиленно вбивали эту отечественную традицию. Кроме того, написание через дефис («церковно-славянский») активно используется в современной церковной литературе, где по очевидным причинам имеется в виду язык современного богослужения Русской православной церкви (в котором форма *кравоѣж* со с. 17 должна выглядеть как *кравою* – без «юса большого йотированного», зато с «оксией»), в академической же литературе преобладает слитное написание даже у тех авторов, для кого слово «церковнославянский» – термин более общего порядка, чем термин «старославянский» («старославянский» = «древнецерковнославянский»; это составная часть «церковнославянского»). Отдельный вопрос – откуда взяты эти формы (если не из учебников с реконструированными парадигмами, а из реальных текстов, неодинаково отражающих прошедшие после IX века фонетические изменения в том или ином диалекте православного языка, это может снять претензии ко многим примерам; но тогда и это надо бы обговорить).

Называть «солунских братьев» Константина-Кирилла и Мефодия «болгарскими проповедниками» (с. 25) вряд ли допустимо, так как в Моравию они были посланы не из языческой на тот момент Болгарии, а из государства, известного современным школьникам как Византия, а самим братьям – как Римская империя (*Imperium Romanum / Βασιλεία Ῥωμαίων*), посланы «цесарем» Михаилом, подданными которого они себя с полным на то основанием считали, см. «Пространное житие Константина Философа» в любом издании.

Хотя эти и подобные им неточности никак не нарушают логику повествования, всё же хочется пожелать, чтобы при последующих переизданиях замечательного учебника они не стали пресловутой ложкой дегтя. Учитывая, что издательство, судя по всему, печатает тираж по мере поступления заказов, необходимые исправления теоретически могут быть внесены даже в текущее издание.

Источники | References

1. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. [два тома с продолжающейся нумерацией]
3. Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История, 2010.
4. Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
5. Красухин К. Г. Сравнительно-историческое языкознание: введение в индоевропейское языкознание. М.: Юрайт, 2021.
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: ЛКИ, 2007.
7. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
8. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Едиториал УРСС, 1980.
9. Фортуна-тов Ф. Ф. Избранные труды: в 2-х т. М.: Учпедгиз, 1957. Т. 2.

Информация об авторах | Author information

RU

Изотов Андрей Иванович¹, д. филол. н., доц.

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
Московский педагогический государственный университет

EN

Izotov Andrey Ivanovich¹, Dr

¹ Lomonosov Moscow State University;
Moscow Pedagogical State University

¹ a.i.izotov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.